

Ника Лис

Любимая ошибка Бога

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Не все ангелы следуют правилам,
не все демоны их нарушают.

18+

Ника Лис

Любимая ошибка Бога

«Автор»

2026

Лис Н.

Любимая ошибка Бога / Н. Лис — «Автор», 2026

Господь решила написать историю. Люцифер настоял, чтобы она получилась честной. На первый взгляд – ничего сложного: безымянный ангел спускается на Землю, чтобы проверить, пригоден ли этот нелепый шар для жизни. Ему в нагрузку дают демона, которого все вечно путают с Люцифером, хотя сам Люцифер предпочитает пить чай с Господом и критиковать её черновики. Задание было простым: наблюдать, не вмешиваться и не привязываться. Всё пошло не по плану. Потому что Земля оказалась слишком живой. Небеса – слишком молчаливыми. Ад – совсем не тем местом, где ждут падших ангелов. А один крайне сомнительный демон – слишком опасным, чтобы остаться просто врагом. Это история о том, как вопросы становятся бунтом, а ошибки – единственным, что нельзя переписать. О выборе, который оказывается сильнее предназначения. И о двух существах, которым однажды придётся решить, кем они готовы стать друг для друга, когда закончатся приказы, враги и сама вселенная.

© Лис Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ника Лис

Любимая ошибка Бога

Глава 1

Когда меня спрашивают, с чего лучше начать эту историю, я обычно отвечаю просто: с начала. Правда, у этой истории с началом всегда были проблемы.

Для одних всё началось с создания Земли. Для других – с первого вопроса, на который Небеса предпочли не отвечать. А для наших героев, если уж быть честной, всё началось с очень неудачного падения, нескольких испорченных чертежей и столкновения, после которого никто уже не смог сделать вид, что мироздание идёт по плану.

Но прежде стоит разобраться с очевидным вопросом: кто вообще всё это рассказывает и почему решил взять на себя смелость записывать чужие ошибки, падения и крайне сомнительные решения?

Что ж, считайте меня Господом этой вселенной. Как и любой автор, я позволю себе такой титул.

А теперь приступим.

В Небесной канцелярии, где любое неудобное чудо старались оформить хотя бы задним числом, жил ангел без имени. Официально никто толком не знал, как он оказался на Небесах. Неофициально существовали те, кому однажды очень настойчиво посоветовали молчать. Если факт нельзя было внести в ведомость без лишних вопросов, в канцелярии предпочитали считать, что факта почти не было.

Так ангел и остался существом без внятного прошлого. Одни были уверены, что он находился на Небесах с самого зарождения вселенной. Другие шептали, будто он был ошибкой, которую просто забыли внести в нужные документы.

Но самое главное – никто не знал его имени.

На вопросы о том, как его зовут, он обычно отвечал прямо: «Никак».

Почему-то никто в это не верил. Как не верили и в то, что какой-то безымянный ангел может находиться на таком высоком счету у Господа.

По правде говоря, мне просто нравятся такие кадры. Ничего сложного.

Так как имени у ангела не было, все называли его Безымянным. Позже имя у него всё же появится. Хотя Небесам знать об этом вовсе не обязательно. А вы узнаете, когда придёт время.

На первый взгляд Безымянный казался почти обычным ангелом: светлые волосы, голубые глаза, белые крылья. Почти – потому что в волосах у него были красные пряди, а в крыльях – такие же красные вкрапления. Многим этого хватало, чтобы считать его отмеченным тьмой. Серьги у ангела поблёскивали в обоих ушах, а улыбка была прямо-таки дьявольской. Кто-то, правда, назвал бы её невинной. Обманулся бы, но у каждого своё право.

Прямо сейчас Безымянный занимался важными вещами: помогал мне создавать Землю.

Да, Рай и Ад к тому моменту уже существовали. Нет, я не перепутала порядок работ. Мироздание редко создаётся в той последовательности, в которой о нём потом удобно рассказывать в учебниках, священных книгах и сомнительных трактатах с громкими названиями. Иногда сначала появляются основы системы, потом последствия, а уже после кто-нибудь вспоминает, что для всего этого неплохо бы подготовить место действия.

Рай и Ад были именно такими основами. По моему тогдашнему замыслу, Рай должен был стать местом для тех, кто сумеет сохранить в себе свет. Ад – для тех, кто однажды решит этот свет растоптать. Тогда это казалось почти разумным.

По крайней мере, таков был план.

А потом случилось восстание, и первыми в Ад попали вовсе не человеческие души, а падшие ангелы. Примерно тогда среди небесных созданий и поползли шёпоты о кругах, муках, бездне и прочих очаровательных деталях, которые никто толком не видел, но все почему-то обсуждали с видом экспертов.

Саму же Землю всё ещё собирали из чертежей, расчётов, правок и спорных решений, из-за которых в Небесной канцелярии регулярно кто-нибудь начинал молиться о конце света ещё до его начала.

И именно к этому незавершённому проекту теперь был приставлен Безымянный.

А вот бедлам, из-за которого всё пошло не по плану, устроил следующий герой этой истории. И нет, зовут его не Люцифер. Люциферу, к его вечному раздражению, вообще приписали удивительное количество чужих катастроф.

С ним мы прямо сейчас пьём чай и пытаемся придумать, как эту самую историю рассказать получше.

Точнее, придумывает она. А я просто сижу рядом и иногда вставляю свои комментарии.

Ну да. Именно так всё и происходит.

Так вот, мы отвлеклись.

Второго героя нашей истории зовут Люциан.

Вообще забавно вышло, что меня и Люца перепутали. Бунт-то устраивал он, а крайним почему-то оказался я.

Не драматизируй. Тебя никто не заставлял становиться лицом катастрофы.

Лицом катастрофы? Прекрасно. Запишите это в мой резюме.

Запишу, если продолжишь перебивать.

Итак, Люциан.

Когда-то его имя знали все, кто пережил первое восстание. После падения, однако, его почти перестали произносить вслух. На Небесах оно звучало разве что шёпотом – и то только если рядом не было лишних ушей, открытых ведомостей и особенно преданных порядку созданий.

Младшие ангелы знали о нём уже иначе: по обрывкам слухов, страшным пересказам, недописанным строкам в архивах и тем паузам, которые старшие делали всякий раз, когда разговор случайно подходил слишком близко к правде. Так Люциан и стал одновременно известным всем – и почти вычеркнутым отовсюду.

Внешность у него тоже была соответствующая: преимущественно красные волосы с одной белой прядью, чёрные глаза и крылья, в которых белое осталось лишь напоминанием о том, кем он был прежде. Снаружи он казался именно тем, кем его позже пытались представить: опасным и совершенно нераскаявшимся.

На деле всё было немного сложнее.

Немного?

Намного сложнее. Но я стараюсь не раскрывать всё на первой странице.

Как благородно с твоей стороны.

Позднее о Люциане предпочитали говорить просто: падший ангел, бунтовщик, предатель. Удобные слова. Короткие. Аккуратные. В них почти не оставалось места для того, кем он был на самом деле.

И всё же, несмотря на всё, что о нём говорили, Люциан никогда по-настоящему не хотел падать.

Признаюсь честно, его я люблю даже больше, чем Безымянного.

Ага. Настолько любишь, что заставила беднягу падать в Преисподнюю в жутких муках.

Он падал десять лет.

Десять лет? Ты серьёзно? Он сам говорил, что это были века.

По небесным документам – десять. Я не отвечаю за субъективное восприятие вечных мук.

Вот за это тебя и не любят.

Без боли он не стал бы тем, кем является сейчас.

Скажи это ещё раз – может, сама поверишь.

Люцифер.

Что? Он не так уж сильно изменился со своих небесных времён. Только ответов не получил. Ни одного.

Он получил нечто большее, чем обычный ответ на вопрос.

Да. Большие боли. Большие вины. Большие причин ненавидеть себя.

Пути Господни...

Не начинай.

Ты первый начал.

Замолкаю.

Пока Безымянный пытался разобраться в моих чертежах Земли, Люциан как раз пришёл в себя после падения:

– Ох, блять...

Удивительное красноречие для ангела, устроившего бунт на Небесах.

Новоиспечённый демон перевернулся на спину и тут же зашипел от боли. Спина горела так, будто падение всё ещё продолжалось где-то внутри тела, а крылья тянули к земле с такой тяжестью, словно их не просто изменили, а заново прибили к костям.

Люциан сжал зубы, пытаясь хотя бы сесть.

– Какого хуя?

Я же говорю: истинный аристократ.

Он поднялся не сразу. Колени подогнулись, пальцы скользнули по камню, крылья болезненно дёрнулись за спиной. Зеркала рядом не было, но даже того немногого, что Люциан видел, хватило.

Его крылья были изуродованы. Кроме того, они стали чернее ночи.

Люциан повернул голову, пытаясь рассмотреть хотя бы край перьев. В тусклом свете они казались чужими: тяжёлыми, тёмными, неправильными. К глазам предательски подступили слёзы, и он резко моргнул, будто мог одним усилием воли загнать их обратно.

Он не хотел падать. Никогда не хотел. Он вообще не хотел ничего плохого.

Только ответы.

И теперь даже собственное тело отвечало ему не словами, а болью.

Он не видел свои крылья полностью, как видим их мы, поэтому не мог знать, что прямо по центру, среди перьев цвета воронова крыла, проступали снежно-белые узоры.

Нет, всё-таки жалко парня. Он же сейчас разревётся.

Это события давно минувших дней. Почему ты так бурно реагируешь?

Не отпустило до сих пор. Да и мы с ним так толком и не поговорили...

Вы видите почти каждый день.

Отстань.

– Так... – Люциан сделал шаг вперёд и тут же поморщился. – Ну и где я вообще? Не похоже ни на один из кругов...

Оказалось, всё это время он лежал в какой-то пещере, где не было ни света, ни признаков других живых существ. Камень под ногами был тёплым, воздух тяжёлым, а каждый шаг отдавался в спине тупой болью.

– И Люцифер куда-то пропал, – пробормотал он, проводя ладонью по влажной стене. – Неужели всё ещё падает?

Я не падал. Я пил с тобой чай.

Но ему-то откуда было знать?

Люциан добрался до выхода и замер.

– Э... – сказал он после короткой паузы. – Это что, мать твою?!

Перед ним раскинулась огромная пустошь, вся охваченная огнём. Воздух дрожал от жара, земля была растрескавшейся и чёрной, вдали с глухим грохотом рушились обгоревшие деревья.

Ровно в тот момент, когда Люциан вышел наружу, в каком-то метре от него рухнул ещё один ствол. Демон отшатнулся, едва не врезался спиной в стену пещеры, и выругался уже тише, но не менее искренне.

– Мда, – выдохнул он, оглядывая горящую пустошь. – Не так я себе представлял Преисподнюю. А разговоров-то сколько было... Мучения, пытки, котлы... Это кто вообще придумал?

Тогда он ещё не знал, что место, которое принял за худший участок Ада, к Преисподней имело весьма косвенное отношение.

Кстати, почему там? Я никогда не спрашивал.

Вот и не спрашивай дальше.

Эй, то есть я перед нашим чаепитием три года шёл через эти чёртовы круги, в котлах варился, а он просто упал в пещеру?

Я тогда была на тебя обижена. Очень. И кто мне недавно распинался, как ему жаль бедного парня?

...

Вот и поговорили.

Пока мой любимый демон пытался понять, где оказался, мой любимый ангел усиленно старался не проклинать меня на чём свет стоит.

– И кто вообще придумал эту инструкцию? – Безымянный мрачно уставился в чертежи, разложенные перед ним. – Как будто специально. Мало мне восстания было. Я за весь отдел кадров пахал. Нет, теперь: «Ангел мой, я тут такое придумала. Ты же мне поможешь?» И глазками своими – хлоп-хлоп. Ох, женщины...

Вот тут я с ним полностью согласен.

Тебя что-то во мне не устраивает?

Нет, что ты. Просто если бы не твои выдумки, им всем жилось бы намного проще.

Но так неинтересно же.

Ох, женщины...

Безымянный сидел прямо на полу среди чертежей, схем, расчётов и нескольких испорченных вариантов будущей планеты, которые уже давно следовало выбросить, но он почему-то продолжал на них злиться. Один лист он придерживал локтем, второй прижимал коленом, а по третьему водил пальцем, пытаясь понять, где именно инструкция решила его возненавидеть.

Ангел пообещал себе: если не получится и в этот раз, он сложит полномочия и попросит помощи у Михаила. Ему-то явно сейчас заняться нечем. Звёзды созданы, остальные планеты тоже. Осталась только эта дурацкая Земля.

Небесные чертежи отличались от обычных тем, что не просто изображали будущий мир. При должном количестве света, расчётов и нервного истощения они начинали становиться им. Поэтому именно в тот момент, когда ангел подумал об этом, свершилось чудо: некогда обгоревший тёмный шар начал наполняться красками. В основном синими.

Безымянный выпрямился, прищурился и несколько секунд молча смотрел на чертёж, словно тот мог сам объяснить, что происходит.

– Погодите... – он медленно наклонился ближе. – Там нет суши?

– Что за чёрт? – Люциан резко отступил, когда обгоревшая пустошь вокруг него начала стремительно наполняться водой. – Нет, нет, нет, нет. Я не умею плавать!

Последние слова он почти взревел, когда уровень воды добрался до его рта. Через мгновение вода поглотила его целиком.

Взмахнуть крыльями он не смог бы даже при сильном желании: они слишком быстро промокли и стали тяжёлыми до онемения. Умереть Люциан тоже не мог – всё-таки был бессмертным существом. Но это совершенно не значило, что он не испытывал боли.

«Твою мать, – пронеслось у него в голове. – Вот и начались круги Ада».

Бедный демон не знал, что даже самые дурные слухи о кругах Ада звучали гуманнее того, что с ним сейчас творилось.

– Так, ну хотя бы начало положено, – пробормотал Безымянный, склонившись над чертежами. Он уже успел забыть о раздражении и теперь смотрел на появившуюся воду с сосредоточенным восторгом существа, которое случайно что-то сломало, но пока не поняло, плохо это или гениально. – Осталось нанести сушу согласно плану...

Прошло ровно десять часов, сорок пять минут и тридцать секунд до того момента, как Люциан снова смог спокойно дышать. Вместо бесконечного океана под ним оказался гигантский кусок суши, которому, казалось, не было ни конца ни края.

Демон рухнул на землю, кашляя, отплёвываясь и с ненавистью глядя в небо, будто оно уже успело стать его личным врагом. Хотя, это не было далеко от истины.

– Да что тут происходит?! – прохрипел он.

Пока Люциан бился в истерическом припадке непонимания, Безымянный плясал от счастья, потому что наконец-то выполнил задание Господа.

Вот тут в игру и вступили мы с Люцифером.

Как я на это вообще подписался?

Ты просто меня очень любишь.

Я бы поспорил, но продолжай.

– Ангел мой, – сказала я, пока Безымянного ослепляло моё, разумеется, совершенно скромное сияние, – Земля создана. Пришло время для нового задания.

Ангел замер. Ещё мгновение назад он выглядел почти счастливым. Теперь же на его лице появилось выражение существа, которое уже предчувствует: радоваться было рано.

– Какого? – осторожно спросил он.

– Ты должен подготовить создание людей, – сообщила я. – Но прежде нужно понять, пригодно ли для них это место.

Безымянный опустил взгляд на чертежи, потом снова поднял его на сияние перед собой.

– Как именно? – осторожно спросил он, уже чувствуя, что ответ ему не понравится.

– Ты должен сам отправиться туда, дитя моё.

– Но...

Договорить он не успел. Свет исчез, я щёлкнула пальцами, и Безымянный уже плавно лавировал над Землёй в поисках места, куда лучше приземлиться, мысленно проклиная меня, мою внезапность и, кажется, весь процесс сотворения мира заодно.

У Люциана состоялся куда менее содержательный диалог.

Ой ли? У тебя с Безымянным он прямо очень содержательный был.

У Люциана состоялся куда менее содержательный диалог.

Да-да, конечно.

Люцифер появился перед ним так внезапно, будто всё это время стоял рядом и просто ждал, когда Люциан перестанет захлёбываться. Он окинул демона внимательным взглядом: промокшего, злого, едва удерживающегося на ногах, с крыльями, которые волочились по грязи и явно не добавляли ему любви к мирозданию.

– Значит так, – сказал Люцифер. – Ты жив.

Люциан медленно повернул к нему голову. Вода стекала по лицу, дыхание всё ещё сбивалось, а в глазах было столько ненависти, что менее самоуверенное существо, возможно, предпочло бы исчезнуть сразу.

– И у тебя есть задание, – спокойно продолжил Люцифер.

Какое-то время Люциан молча сверлил его взглядом. Потом очень медленно выдохнул:

– Я только что десять часов тонул.

– Прекрасно. Значит, успел привыкнуть к местным условиям.

– К каким ещё местным условиям? – Люциан раздражённо провёл ладонью по лицу, убирая воду с глаз. – Где я вообще?

Люцифер огляделся с таким видом, будто место вокруг было вполне приличным. Под ногами хлюпала грязь, вдалеке ещё дымили остатки недавней катастрофы, а Люциан выглядел так, будто готов был утопить кого-нибудь в ответ.

– Скажем так, в одном весьма перспективном месте.

– Это не ответ.

– Это лучший ответ, который ты сейчас получишь.

Люциан сжал зубы. Он уже успел забыть, каким придурком мог быть Люцифер.

– Что за задание? – спросил он наконец.

– Найти одного ангела.

Люциан медленно поднял на него взгляд и нахмурился:

– Ангела?

– Белые волосы, голубые глаза, красные пряди, отвратительная привычка быть полезным, – перечислил Люцифер. – Думаю, не перепутаешь.

– И что мне с ним делать? – скептически спросил Люциан.

– Наблюдать. Мешать. Сбивать с пути. В идеале – сделать так, чтобы он не справился с тем, ради чего его сюда отправили.

– А ради чего его сюда отправили?

Люцифер улыбнулся:

– Вот это тебе как раз и предстоит выяснить.

На лице Люциана появилось то самое выражение, которое давало понять, что он уже устал злиться, но всё ещё не нашёл более подходящего занятия.

– То есть ты не скажешь мне, где я, – начал он, чеканя каждое слово. – Не скажешь, зачем здесь ангел. Не скажешь, что он должен сделать. Но хочешь, чтобы я ему помешал?

– Видишь? Ты уже всё понял, – почти пропел Люцифер.

– И почему меня это вообще должно волновать?

Люцифер на секунду замолчал. Совсем ненадолго, но Люциан заметил. После падения он слишком остро слышал паузы – особенно те, в которых прятали правду.

– Потому что этот ангел может быть связан с тем, что с тобой произошло, – сказал Люцифер уже тише.

Люциан застыл.

– Что? – переспросил он.

– Ты слышал.

– Повтори.

– Нет.

– Люцифер, – раздражённо выплюнул Люциан.

– Люциан, – в тон ему отозвался Люцифер.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Вокруг оседала земля, вода стекала по камням, а Люциан вдруг понял, что злость возвращает ему силы лучше любого ответа.

– Он виноват? – наконец спросил он.

– Не знаю.

– Врёшь, – сощутив глаза, протянул Люциан.
– Возможно, – меланхолично отозвался Люцифер, разглядывая ландшафт.
– Тогда зачем мне его искать? – Люциан говорил тише, но в этом тоне было больше угрозы, чем в крике.

Люцифер чуть склонил голову, глядя на него:

– Потому что если я вру, ты это поймёшь. А если нет...

Он не договорил. И именно это раздражало сильнее всего.

Люциан сжал зубы и процедил:

– Я тебя ненавижу.

– Знаю, – ответил Люцифер без улыбки.

– Нет, ты не понял. Я правда тебя ненавижу.

Люцифер посмотрел на него почти с сочувствием, что раздражало ещё сильнее:

– Понимаю.

– Не смей говорить так, словно понимаешь, – огрызнулся демон.

– А ты не смей делать вид, будто ненависть мешает тебе слушать.

Люциан замолчал. Внутри всё ещё жгло от падения, от воды, от унижения и от того, что ему снова не дали ни одного нормального ответа.

– Однажды, – сказал он, – я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще появился передо мной.

Люцифер едва заметно усмехнулся:

– Вот это уже лучше.

– Что?

– Злость. Держись за неё, Люц. Пока ответов нет, она хотя бы не даст тебе развалиться.

– Не называй меня так, – процедил Люциан, гневно стреляя глазами в Люцифера.

– Как скажешь.

Люциан зло выдохнул.

– Я тебя ненавижу.

Люцифер улыбнулся шире:

– Удачи.

С этими словами произошло сразу три вещи: Люцифер хлопнул в ладоши и исчез; Люциан громко, искренне и очень неприлично выругался; а Безымянный, так и не разобравшись с направлением, летел прямо на него.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – крикнул ангел сверху, отчаянно пытаясь выровнять полёт. – С дороги!

Он честно попытался предупредить о своём приближении, но сделал это слишком поздно. Когда Люциан повернул голову на звук, его глаза расширились от ужаса.

Последней мыслью перед тем, как в него на полной скорости врезался ангел, стало: «Ну, часть задания я уже выполнил».

Вот так и произошло первое знакомство наших героев – не под звуки небесных труб, не в торжественном сиянии звёзд и не под пророчество, записанное золотыми буквами в священных книгах.

Всё случилось под отборную брань падшего ангела, панический крик небесного любимчика и глухой звук столкновения двух существ, которым в будущем предстояло изменить всё.

Весьма символично, если подумать.

Глава 2

Люциан очнулся резко, будто его выдернули из темноты за шкурку. В первую секунду он не понял, где находится: тело всё ещё ждало падения – пустоты под спиной, рвущегося в груди воздуха, бесконечного движения вниз, в котором боль со временем перестаёт отличаться от самого существования. Но под ним была земля. Твёрдая, мокрая, настоящая.

Солнечный свет ударил по глазам, и демон зашипел, зажмурившись. Голова гудела нещадно. Тело болело так, будто его сначала слишком долго роняли с Небес, потом десять часов топили в воде, а после в него ещё и врезалось эфирное нечто с явными проблемами торможения. А, ну да.

Рядом кто-то шевельнулся. Люциан с трудом приоткрыл глаза и повернул голову на звук. Ангел сидел неподалёку прямо на земле: белые волосы растрепались после падения, красные пряди выделялись особенно ярко, а голубые глаза смотрели на Люциана так внимательно, будто перед ним лежало не живое существо, а редкая ошибка мироздания.

Белые волосы. Голубые глаза. Красные пряди. Ну конечно. Вот оно, его задание: сидит рядом и любит.

– Что уставился? – хрипло спросил Люциан, с трудом фокусируя взгляд на ангеле.

Тот моргнул, словно только сейчас понял, что его молчаливое разглядывание могло выглядеть как минимум невежливо.

– Я раньше таких, как ты, не встречал, – осторожно ответил он.

Люциан коротко усмехнулся – сухо, зло, почти без сил:

– Таких, как я? Как мило. А во время восстания ты, стало быть, спал?

– Я... – начал ангел и осёкся.

Он отвёл взгляд не так, будто поймал себя на лжи. Скорее так, будто наткнулся внутри собственной памяти на закрытую дверь и не понял, кто успел поставить на неё замок. Люциану этого хватило. В памяти тут же всплыли слова Люцифера: этот ангел может быть связан с его падением. Может быть. Прекрасная формулировка – достаточно мутная, чтобы ничего не объяснить, и достаточно точная, чтобы испортить всё окончательно.

– Давай, скажи, что ничего не знаешь, – глухо произнёс он, медленно приподнимаясь на локте.

Боль тут же отозвалась в спине, но демон упрямо не позволил себе поморщиться.

– Это же так в духе Небес, – продолжил он. – Накосычить, а потом прикрыться Божьим замыслом, внезапной амнезией и чем там ещё? Уже и не вспомню.

Ангел молчал. Не спорил, не оправдывался, не возмущался – просто смотрел. Не со страхом. Не с отвращением. С этим своим чистым, почти детским интересом. Именно это бесило сильнее всего.

– Да что? – не выдержал Люциан, резко сдвинув брови. – Неужели я такой страшный?

Он не мог видеть себя целиком, но уже успел предположить, что внешний вид у него теперь не просто помятый. Скорее такой, который очень плохо вписывался в идеально выглаженный формат Небес.

Ангел чуть нахмурился, будто сам вопрос показался ему странным.

– Нет, – сказал он после короткой паузы. – Не страшный.

– Тогда что? – Люциан сжал зубы, заранее ненавидя любой возможный ответ.

Ангел долго молчал, пытаясь подобрать честный ответ.

– Договаривай, – процедил Люциан.

– Ты другой, – сказал ангел.

Другой. Конечно. Слово колынуло больше, чем он ожидал.

Люциан пытался убедить себя, что отличий почти нет: он всё тот же, просто крылья изменили цвет, просто тело болит после падения, просто всё вокруг стало чужим и режуще ярким. Но одно короткое слово, сказанное этим беловолосым недоразумением, ударило точнее, чем должно было. Другой. Не такой, как прежде.

Он хотел съязвить, послать, рассмеяться ему в лицо, но вместо этого на секунду замолчал, чувствуя, как злость цепляется за что-то гораздо более болезненное.

И именно в эту паузу ангел тихо спросил:

– Ты... упал?

Люциан резко повернул к нему голову. Движение отозвалось болью в шее и спине, и он почти обрадовался этому: боль была проще, чем вопрос.

– Не твоё дело, – зло выплюнул он.

Ангел не спорил. Только чуть опустил взгляд, будто принял ответ, но не перестал думать о вопросе.

Люциан отвернулся. Мокрые волосы липли к лицу, чёрные крылья тянули к земле, а тело всё ещё помнило падение так хорошо, словно оно не закончилось, а просто сменило направление.

Ангел всё ещё сидел рядом. Слишком тихий, слишком светлый и слишком удобный для ненависти.

– Ты всегда так смотришь на чужие страдания? – не выдержал Люциан, бросив на него косой взгляд.

Ангел моргнул. В его лице не было ни обиды, ни испуга – только растерянная честность.

– Я не знаю, как надо, – признался он.

Ответ был настолько простой, что на секунду выбил из Люциана всю злость. Почти.

– Никак, – хрипло сказал демон. – Лучше вообще не смотреть.

Ангел послушно отвёл взгляд. На пару секунд. Потом всё же не удержался:

– Сложно не смотреть, когда чужое страдание так громко возмущается.

Люциан очень медленно повернул к нему голову.

– Ты сейчас очень смелый для того, кто недавно использовал меня как посадочную площадку, – произнёс он с опасным спокойствием.

Ангел опустил глаза. Кажется, теперь он всё-таки вспомнил, что именно произошло несколькими минутами ранее.

– Поэтому я сказал это тихо, – пробормотал он еле слышно.

На секунду наступила тишина. Только ветер шевелил траву, да где-то рядом ещё потрескивала земля, не до конца остывшая после моего очередного удачного эксперимента. Люциан попытался подняться. Получилось плохо: боль прошла спину и крылья так резко, что перед глазами потемнело. Демон сдавленно выдохнул и замер, стараясь не показать, насколько сильно его тряхнуло. Ангел, конечно, заметил.

– Я могу помочь, – осторожно предложил он.

– Не можешь.

– Я ещё не пробовал.

– Вот именно, – Люциан бросил на него мрачный взгляд. – Давай так и продолжим.

Ангел на секунду прищурился, но промолчал. И это молчание Люциан ненавидел почти сильнее слов: в нём не было ни обиды, ни привычного небесного превосходства, только настоящее, чистое, почти оскорбительное непонимание. Если этот ангел правда ничего не знал, злиться становилось сложнее. А злость сейчас была единственным, что ещё держало Люциана на ногах.

– Ты куда? – спросил ангел, когда Люциан всё-таки заставил себя подняться.

– Подальше от тебя, – выплюнул он, выпрямляясь с таким видом, будто собственное тело не пыталось прямо сейчас объявить ему войну.

– Но ты едва стоишь.

– Зато стою.

Он сделал шаг. Земля неприятно качнулась под ногами, крылья дёрнули назад, и Люциан на секунду потерял равновесие. Ангел подался вперёд, но демон тут же бросил на него такой взгляд, что тот замер на месте.

– Не надо, – предупредил демон.

Ангел медленно опустил руку и кивнул:

– Хорошо.

Снова это спокойное, послушное «хорошо». Сразу вспомнились Небеса, где такие ответы были прописаны в регламенте вплоть до интонации и движения рук.

Он сделал ещё один шаг, уже увереннее, и только тогда понял, что ангел не двигается с места. Люциан оглянулся.

– Ты так и будешь сидеть? – спросил он, едва заметно поморщившись от боли в спине.

Ангел поднял на него недоумённый взгляд:

– Я думал, ты хотел, чтобы я не подходил.

Демон помолчал, глядя на него, потом медленно выдохнул. Разумеется. Конечно. Это беловолосое чудо ещё и слишком правильное. Как иначе-то?

– Мне сказали за тобой следить, – процедил Люциан. – Так что встань уже и делай... что ты там должен делать.

Ангел не поднялся сразу. Вместо этого осторожно отряхнул ладони о ткань, потом посмотрел куда-то в сторону, будто пытался найти там ответ.

– А что я должен делать? – спросил он наконец.

Люциан замер. Потом очень медленно повернулся к нему всем корпусом и возмутился:

– Ты издеваешься?

– Нет, – ангел нахмурился, явно не понимая, почему вопрос прозвучал как обвинение.

– Тебя сюда отправили, – Люциан сделал шаг ближе и тут же пожалел об этом, потому что крылья болезненно потянули назад, – а ты не знаешь зачем?

Ангел всё-таки поднялся на ноги, отряхнул одежду и задумчиво посмотрел куда-то за спину демона.

– Мне сказали понять, пригодно ли это место для людей, – ответил он после короткой паузы.

Люциан прикрыл глаза. Конечно. Всё было именно так: его, только что сброшенного с Небес, утопленного, разбитого и совершенно не понимающего, где он находится, приставили мешать ангелу, который свалился ему на голову, назвал его другим, смотрел так, будто он был не врагом, а загадкой, а ещё сам едва понимал собственное задание. Прекрасно. Просто великолепно.

– Люцифер, – сказал он в пустоту, сжимая пальцы в кулак, – я тебя убью.

Ответа, разумеется, не последовало.

Ангел посмотрел на него с новым интересом и неожиданно сказал:

– Она всё равно не ответит.

Люциан медленно повернул к нему голову, хмурясь:

– Что?

– Господь, – пояснил ангел так, будто это было очевидно. – Она появляется, когда считает нужным. Не когда её зовут.

Люциан помолчал. Можно было уточнить, что говорил он вовсе не с Господом. Можно было сказать, что причина его проблем носит другое имя, слишком похожее на его собственное, и сейчас, скорее всего, где-то довольно улыбается. Но Люциан не стал.

– Говоришь по опыту? – спросил он вместо этого.

Ангел отвёл взгляд куда-то в сторону. Не резко. Скорее так, словно вопрос задел не больное место, а давно стёртую мозоль.

– По разочарованию, – тихо ответил он.

Люциан коротко, зло усмехнулся:

– Надо же.

– Что? – ангел снова посмотрел на него.

– Похоже, я не единственный, кого она раздражает.

Ангел помолчал. На его лице не было ни согласия, ни возмущения – только осторожная попытка понять, можно ли вообще назвать это чувство так просто.

– Я бы не назвал это раздражением.

– А как? – Люциан чуть прищурился.

Ангел ответил не сразу, словно впервые подбирал слово для чувства, которое давно носил в себе, но никогда не называл вслух.

– Усталостью, – наконец сказал он.

Люциан посмотрел на него внимательнее. На секунду беловолосый ангел перестал казаться просто очередным небесным любимчиком, которого прислали усложнить ему жизнь.

– Усталостью, значит, – повторил демон уже тише.

– Да, – ангел опустил взгляд, будто сам удивился собственной честности.

Люциан усмехнулся, но на этот раз почти без злости:

– Забавно. Я думал, наверху это чувство принято называть служением.

Ангел снова посмотрел на него.

– А ты много знаешь о том, что принято наверху? – спросил он осторожно.

Люциан выдержал его взгляд. На губах появилась усмешка – неприятная, усталая, слишком старая для существа, которое только что стало демоном. И он ответил:

– Больше, чем мне хотелось бы.

Он отвернулся и пошёл вперёд, стараясь не хромать слишком заметно. Ангел после короткой паузы последовал за ним: не опасно близко, но и не слишком далеко. Люциан раздражённо сжал зубы, а память услужливо подкинула ему день, когда всё пошло не по плану.

День начала восстания.

К слову, восстание пошло не так почти с самого начала.

Не так? Как мягко сказано.

Совсем не так. Хотя, признаюсь, слишком долго делала вид, будто всё ещё можно назвать частью замысла.

Вот это уже ближе к правде.

Некоторые вещи становятся понятны не сразу.

Удобная фраза, когда объяснять нечего.

Люцифер.

Молчу.

Сначала это ещё не было похоже на восстание. В первый день это было похоже на надежду.

Люциан помнил Небеса слишком ясно. До боли ясно. Белый свет, от которого не хотелось щуриться. Голоса, сливающиеся в тревожный гул. Ангелов, которые впервые смотрели не в сторону приказа, а друг на друга – растерянно, испуганно, почти виновато. И себя среди них. Тогда у него ещё были белые волосы и светлые глаза, а крылья раскрывались широко, величественно, почти ослепительно: без тёмных перьев, без трещин, без следов того, чем он станет потом. На него смотрели, ждали, верили. И это, наверное, было самым страшным. Потому что в тот день Люциан тоже верил. Верил, что если вопросы задать достаточно ясно, на них ответят; если боль назвать болью, её перестанут прятать за красивыми словами; если встать перед закрытыми вратами и не отступить, их всё-таки откроют.

Он не хотел разрушать Небеса. Он хотел, чтобы его услышали. Чтобы хоть кто-то наверху перестал улыбаться так спокойно, будто молчание было милостью. Чтобы на неудобные вопросы перестали отвечать тишиной, чужое сомнение записывать в проступки, а страх – в слабость. Люциан горел этим сильнее всех. Не злостью – ещё нет. Тогда это было почти светлым: желание изменить хоть что-то, доказать, что они не ошиблись, что молчание можно пробить, что правда где-то есть и её просто нужно вытянуть наружу.

В первый день они говорили громко. Во второй – уже громче. Потом начали стучать в закрытые двери. Потом требовать. Потом кричать. А Небеса молчали. Надежда не исчезла сразу – она просто стала жёстче; потом упрямство начало царапать изнутри, потом на месте веры появилось отчаяние, а за ним пришёл страх.

Страх был хуже злости. Злость хотя бы грела. Страх делал руки холодными и заставлял ангелов смотреть друг на друга так, будто каждый уже понимал: назад дороги нет, а впереди их никто не ждёт. Кто-то начал сомневаться. Кто-то замолчал. Кто-то перестал смотреть Люциану в глаза. А он всё ещё стоял впереди, говорил, держался так, словно знал, что делает, и не чувствовал, как внутри него с каждым новым днём что-то трескается. Тогда он впервые понял: можно любить Небеса и ненавидеть их одновременно; хотеть ответа – и бояться его услышать; вести за собой других и в какой-то момент осознать, что сам уже не знаешь, куда идёшь. Но останавливаться было поздно. Слишком поздно.

– Эй... – голос ангела прозвучал рядом так тихо, что Люциан не сразу понял, где находится. Перед глазами всё ещё стояли белые крылья, светлые лица, закрытые ворота, собственный голос, сорванный от крика, и то чувство, когда надежда умирает не сразу, а день за днём, оставляя после себя что-то острое, тёмное и голодное.

Потом он почувствовал движение. Чужую руку рядом. Она тянулась к его плечу осторожно, почти бережно, без угрозы. Но Люциан уже не был тем, к кому можно было тянуться безнаказанно. Тело сработало раньше мысли.

Через мгновение ангел оказался прижат к земле. Всё произошло так быстро, что он даже вскрикнуть не успел: рука заломлена за спину, грудь вжата в траву, колено демона между лопаток, пальцы на запястье – слишком крепко, почти до хруста.

– Не смей, – прошипел демон, наклоняясь ниже.

Ангел замер под ним. Даже дышать стал тише, будто любое лишнее движение могло сделать только хуже.

– Я хотел...

– Никогда, – оборвал Люциан.

Голос у него был низким, рваным и злым. Не похожим на тот, которым он говорил раньше. Даже сам он услышал это.

– Никогда не смей трогать меня без разрешения, – произнёс он медленнее, сжимая пальцы на чужом запястье.

Ангел вздрогнул, но не попытался вырваться:

– Я просто хотел помочь...

– Мне не нужна твоя помощь. – вырвалось у Люциана слишком резко, слишком громко, слишком отчаянно.

В этих словах было больше, чем он собирался выпустить. Не только злость. Не только боль. Там было падение, вода, сломанные крылья. Десять лет, которые в теле ощущались веками. Молчание Небес. Слова Люцифера. И этот беловолосый ангел под ним – слишком светлый, слишком спокойный, слишком похожий на всё, что Люциан потерял.

Ангел осторожно повернул голову настолько, насколько позволяла заломленная рука, и встретился с ним взглядом. И впервые за всё это время испугался. Не сильно. Не до дрожи. Но Люциан увидел, как в голубых глазах что-то изменилось.

Ангел смотрел на его глаза. Чёрные. Чужие. Бездонные. И где-то в самой глубине, всего на секунду, вспыхнул красный отблеск.

– То, через что я прошёл, – произнёс Люциан сквозь зубы, – тебе даже в самых страшных видениях не снилось.

Он сам не понял, почему сказал это и кому пытался доказать. Ангелу? Себе? Тем, кто остался наверху и решил, что падение можно записать в документ одной сухой строкой?

– Поэтому если ты ещё раз протянешь ко мне руку, – продолжил он тише, но от этого только опаснее, – я не отвечаю за себя. Понял?

Ангел несколько секунд молчал, а потом осторожно кивнул.

Люциан отпустил его не сразу. Пальцы будто не слушались; внутри всё ещё гудело: бей, держи, не подпускай, не верь. Он заставил себя разжать руку, убрать колено и отступить. Каждое движение давалось с трудом. Тело болело, крылья тянули вниз, злость всё ещё горела под кожей – слишком яркая, слишком живая.

Ангел медленно сел и прижал руку к себе. На его лице не было обиды, и это раздражало сильнее всего. Был испуг, была настороженность, но ещё там оставался тот самый интерес – теперь осторожный, притихший, но не исчезнувший.

Люциан отвернулся первым.

– Я предупреждал не трогать, – глухо сказал он.

Ангел помолчал. Потом очень тихо ответил:

– Нет.

Люциан резко посмотрел на него. Тот встретил его взгляд уже осторожнее, но всё же договорил:

– Не предупреждал. Но теперь я понял.

Люциан хотел съязвить, сказать что-нибудь злое, чтобы стереть с лица ангела эту спокойную честность. Но слова застряли где-то в горле.

Когда он был ангелом, злость тоже существовала. Конечно существовала. Просто она была другой.словно её пропускали через плотное стекло. Приглушали. Очищали. Оставляли ровно столько, сколько можно было назвать рвением, праведным возмущением, служением чему-то большему.

Теперь стекла не было. Злость больше не просила разрешения, она просто была. И это пугало почти так же сильно, как слово «другой». Люциан сжал пальцы в кулаки.

– Держись подальше, – сказал он, не глядя на ангела.

Тот не ответил сразу. Люциан слышал, как он осторожно переводит дыхание, как шуршит трава под его рукой, как влажная земля чуть поддаётся под движением.

– Хорошо, – произнёс ангел наконец.

И снова это спокойное, послушное «хорошо». Люциан ненавидел его. Почти так же сильно, как ненавидел то, что ангел не задал ни одного лишнего вопроса.

Некоторое время они просто молчали. Мир вокруг жил своей первой, ещё неуверенной жизнью: где-то в траве шевелились мелкие твари, с широких листьев срывались тяжёлые капли, а влажный воздух был таким густым, будто его приходилось не вдыхать, а проталкивать в лёгкие. Так не пахли ни Небеса, ни Преисподняя. Это место было другим. Живым.

Люциан всё ещё не знал, где именно оказался. Для него это был просто очередной странный кусок мироздания, куда его швырнули без объяснений, без подготовки и, разумеется, без малейшего согласия с его стороны.

Он заставил себя подняться. На этот раз ангел не дёрнулся помочь. Только проследил за ним взглядом – осторожно, настороженно, будто теперь пытался понять, где заканчивается боль и начинается опасность.

«Хорошо учится», – мрачно отметил Люциан и тут же разозлился на себя за эту мысль.

– Идёшь? – бросил он, не оборачиваясь.

Ангел поднял глаза. На лице у него мелькнуло лёгкое недоумение:

– Ты же сказал держаться подальше.

– Я сказал держаться подальше, – Люциан поморщился, когда крылья болезненно потянули назад, – а не врать в землю.

– Насколько подальше? – уточнил ангел уже осторожнее.

Люциан устало прикрыл глаза:

– Настолько, чтобы я не захотел снова впечатать тебя в неё.

Ангел помолчал, явно пытаясь превратить это в понятное расстояние.

– Это не очень точное указание, – заметил он.

– Поверь, если ошибёшься, поймёшь.

– Понял, – сказал он после короткой паузы.

Он поднялся и пошёл следом. Не слишком близко. Не слишком далеко. Ровно настолько, чтобы раздражать. Люциан шёл впереди, упрямо делая вид, что не хромает, а ангел следовал за ним осторожно, почти бесшумно. Белые волосы после падения всё ещё лежали беспорядочно, красные пряди выбивались особенно ярко, на щеке виднелась тонкая полоска грязи. Выглядел он уже не так безупречно, как должен был выглядеть небесный служащий. И всё равно слишком светло. Люциан ненавидел, что замечает такие детали.

Местность вокруг менялась с каждым шагом. Обугленная земля постепенно уступала место густой зелени. Из трещин в камне пробивались широкие, плотные, блестящие от влаги растения. Папоротники поднимались почти до пояса, а чуть дальше начинались деревья, настолько огромные, что Люциан невольно замедлил шаг. Стволы уходили вверх, теряясь в тумане и переплетении ветвей. Листья были крупными, тяжёлыми, словно кто-то создавал их не для красоты, а чтобы доказать: здесь всё будет больше, чем нужно. Слишком большие листья. Слишком высокие деревья. Слишком влажный воздух. Слишком громкая тишина.

Где-то вдалеке что-то хрустнуло.

Ангел остановился и прислушался, чуть повернув голову к лесу.

– Это нормально? – спросил он, стараясь говорить тише.

Люциан медленно посмотрел на него и вскинул бровь:

– Ты у меня спрашиваешь?

– Ты идёшь первым, – вполне серьёзно ответил ангел.

– Потому что ты не знаешь, куда идти.

– Ты тоже.

– Я хотя бы выгляжу уверенно.

Ангел задумался и окинул его взглядом. Не насмешливо. Скорее честно оценивая. В итоге он сказал:

– Не очень.

Люциан бросил на него предупреждающий взгляд:

– Осторожнее.

– Я же сказал: не очень, – невозмутимо заметил ангел. – Мог сказать что-нибудь похуже.

– И всё ещё можешь пожалеть, что сказал хоть что-то.

Ангел благоразумно замолчал.

Они вышли к воде почти случайно. Между камней лежало небольшое озеро – тихое, прозрачное, с тёмным дном и тонкой дрожью на поверхности. Вода отражала небо, деревья и две фигуры на берегу: одну светлую, почти сияющую даже в помятом виде, и вторую тёмную, мокрую, злую, словно вырванную из другого мира и брошенную сюда по ошибке.

Люциан остановился и сам не понял, почему. Наверное, тело хотело убедиться, что вода больше не поднимется, не сомкнётся над головой, не утянет снова вниз – туда, где крылья становятся грузом, а бессмертие не спасением, а издевательством.

Вода молчала. Люциан сделал шаг ближе и увидел своё отражение. На какое-то время всё внутри стало очень тихим.

Из воды на него смотрел незнакомец.

Красные волосы, тёмные от влаги, прилипли к лицу. Среди них резко выделялась одна белая прядь – чужая, упрямая, почти насмешливая, будто прошлое оставило на нём метку и отказалось исчезать до конца. Люциан медленно поднял руку и коснулся её. Белая. Настоящая. Его пальцы дрогнули. Потом взгляд скользнул ниже, к глазам. Чёрные. Не потускневшие светлые, не потемневшие от усталости, не временно изменившиеся после падения. Чёрные. Глубокие, пустые, чужие. В них не было Небес, прежнего света, не было того, кого он привык видеть в отражениях, в полированных поверхностях небесных залов, в чужих глазах, когда к нему обращались за решением, приказом, ответом.

Ангел стоял позади и молчал. На удивление, это казалось правильным.

Люциан чуть повернулся боком, и вода наконец отразила крылья.

Он знал, что крылья стали чёрными. Видел обрывки перьев, тяжёлые мокрые края, чувствовал излом в каждой мышце. Но увидеть их целиком оказалось хуже. Они всё ещё были огромными, но теперь не величественными, а искалеченными. Чёрные перья слиплись от воды, местами торчали неровно, словно их вырвали и заставили отрасти заново неправильно. И всё же по центру, от основания к широким дугам, тянулись белые узоры – тонкие, неровные, похожие не то на трещины, не то на остатки света, который не сумели выжечь до конца.

Люциан смотрел на них долго. Дольше, чем стоило.

– Они не полностью чёрные, – внезапно донеслось из-за спины.

Люциан резко повернул голову. В груди тут же неприятно кольнуло – не от боли даже, а от того, что тишина, оказывается, была безопаснее чужих слов.

– Я тебя не спрашивал, – бросил он.

– Знаю, – ответил ангел без попытки оправдаться.

– Тогда зачем говоришь? – Люциан прищурился, уже готовый ухватиться за любую неверную интонацию.

Ангел помолчал. Он смотрел не на отражение, а на самого Люциана – осторожно, но прямо.

– Потому что ты смотрел так, будто это хуже, чем если бы они были полностью чёрные, – серьёзно сказал ангел.

Люциан хотел огрызнуться. Очень хотел. Но слова не сразу нашлись, потому что проклятый беловолосый ангел с красными прядями и слишком внимательными глазами оказался неприятно близко к правде. Если бы крылья стали полностью чёрными, всё было бы проще: полное падение, полная тьма, полный разрыв. А эти белые линии выглядели так, будто кто-то оставил внутри него напоминание. Не милость. Не прощение. Просто доказательство, что он не смог стать чем-то одним до конца. Ни ангелом. Ни демоном. Другим.

Люциан сжал пальцы так сильно, что ногти впились в ладонь.

– Не делай вид, что понимаешь, – сказал он глухо.

Ангел чуть опустил взгляд:

– Я не делаю.

– Тогда молчи.

Тот кивнул и снова замолчал. Несколько мгновений слышно было только воду, ветер и далёкие, почти неразличимые звуки леса. Люциан заставил себя отвернуться от отражения. Ещё немного – и он либо разбил бы поверхность воды, либо сказал что-нибудь лишнее. Ни то ни другое его не устраивало.

– Как тебя зовут? – спросил он вдруг, сам не до конца понимая, зачем.

Ангел моргнул, будто вопрос застал его врасплох сильнее, чем недавняя угроза, и ответил:

– Никак.

Люциан медленно посмотрел на него и переспросил:

– Что значит «никак»?

– То и значит, – ангел слегка пожал плечами. – Никак.

– Это не ответ.

– Обычно мне говорят то же самое.

– И ты всегда отвечаешь так же бесполезно? – Люциан устало приподнял бровь.

Ангел задумался, словно действительно вспоминал, и сказал:

– Обычно после этого меня просто называют Безымянным.

Люциан помолчал. Конечно. Разумеется. Небеса смогли создать ангела с белыми волосами, красными прядями, крыльями, которые каким-то образом не дали ему разбиться после падения с высоты, и характером, способным раздражать даже в состоянии молчания, но не смогли дать ему имя. Очень в духе Небес.

– Я не буду так тебя называть, – серьёзно сказал он.

Ангел поднял на него глаза:

– Почему?

– Потому что это не имя, – отрезал Люциан. – Это признание чьей-то халтуры.

Ангел помолчал, принимая эту мысль с раздражающей серьёзностью, и кивнул:

– Возможно.

– Не «возможно». Точно.

– Тогда как будешь? – спросил он осторожно.

Люциан хотел сказать: никак. Хотел сказать: ангел. Хотел сказать: проблема, задание, небесное недоразумение, причина моего будущего нервного срыва. Но почему-то не сказал. Он снова посмотрел на него: на красные пряди в белых волосах; на голубые глаза, которые всё ещё пытались понять его, хотя явно не имели для этого ни опыта, ни права; на лицо, в котором невинность слишком легко могла оказаться маской – а могла и не быть маской вовсе. Это раздражало, но почему-то цепляло.

– Элиан, – сказал Люциан наконец.

Ангел замер.

– Что?

– Будешь Элианом, – повторил демон, будто речь шла о чём-то совершенно неважном.

– Почему? – тихо спросил ангел.

Люциан скривился:

– Потому что «никак» – идиотское имя.

– Это не имя, – напомнил ангел.

– Вот именно.

Ангел молчал не так, как раньше: не из осторожности, не из непонимания, не потому, что не знал, что сказать. Он будто слушал само слово. Примерял его к себе осторожно, как берут в руки вещь, которую могут отобрать, если держать слишком крепко.

– Элиан, – повторил он тихо.

Люциан почувствовал неудобство где-то под рёбрами.

– Не нравится – придумай сам, – буркнул он, отворачиваясь к воде.

– Нет, – сказал ангел.

Люциан усмехнулся:

– Быстро отказался.

– Нет, – повторил тот уже мягче. – Нравится.

Это прозвучало слишком искренне, слишком просто, слишком опасно для слова, которое Люциан бросил почти случайно.

Ангел поднял на него глаза.

– А тебя? – спросил он.

Люциан помрачнел:

– Что меня?

– Как зовут тебя? – ангел произнёс это осторожно, но без страха.

Демон помолчал, глядя на него так, будто вопрос был личным оскорблением, и с сомнением спросил:

– Тебе зачем?

– Ты дал имя мне, – просто сказал ангел. – Я подумал, что должен знать твоё.

– Ничего ты не должен, – резко ответил Люциан.

Ангел чуть склонил голову:

– Тогда можешь не отвечать.

И снова это спокойствие. Это отсутствие давления. Это раздражающее умение не требовать там, где другой на его месте давно бы полез с вопросами. Демон отвернулся.

– Люциан, – сказал он глухо.

Ангел повторил беззвучно:

– Люциан.

Слишком аккуратно, словно имя было не просто набором звуков, а чем-то хрупким, что можно испортить, если произнести неправильно.

Люциан резко посмотрел на него и буркнул:

– Не привыкай.

Элиан моргнул, будто только сейчас понял, что сказал это вслух, но всё же ответил:

– Поздно, – потом, кажется, сам удивился собственной честности и отвёл взгляд, смущённо добавляя: – Я имел в виду, что уже запомнил.

– Я понял, что ты имел в виду, – сухо сказал Люциан.

– Не уверен.

– А вот сейчас лучше помолчи.

Элиан действительно замолчал, но уголок его губ едва заметно дрогнул. Люциан почему-то заметил. И, что хуже, запомнил.

Он отвернулся первым.

– Тогда пошли, Элиан, – бросил он, делая шаг прочь от озера. – Проверим этот чудесный кусок суши на пригодность.

Ангел поднял голову.

– Для людей, – уточнил он.

– Для кого угодно, кто окажется достаточно несчастен, чтобы здесь жить, – закатил глаза демон.

– Господь сказала, что люди будут важны, – тихо произнёс Элиан, следуя за ним.

– Господь много что говорит.

– Ты ей не веришь?

Люциан остановился на полшага и посмотрел на него через плечо, серьёзно отвечая:

– Я ей слишком долго верил.

Элиан не ответил. И, к его чести, не стал спрашивать, что именно это значит.

Они немного отошли от озера, углубляясь в зелень. Чем дальше они шли, тем очевиднее становилось: это место не было готово ни для кого, кроме самого себя. Земля жила слишком громко. В каждом кусте что-то шуршало, в ветвях что-то мелькало, воздух дрожал от влажного жара и чужих, незнакомых звуков.

«Проверить воздух, воду, поверхность, устойчивость местности и общее состояние среды», – почти слышал Люциан, пока Элиан прокручивал в голове формулировку из инструкции.

– Ну? – спросил он, не оборачиваясь.

Элиан огляделся очень серьёзно. Так, словно действительно собирался вынести первое в истории заключение о пригодности мира.

– Воздух есть, – сказал он.

Люциан медленно прикрыл глаза, выдыхая:

– Глубокий вывод.

– Вода тоже, – продолжил Элиан после короткой паузы.

– Ещё глубже.

Ангел посмотрел под ноги: мокрая земля мягко продавилась под его сапогом. И протянул:

– Поверхность... нестабильная.

В этот момент где-то впереди земля глухо дрогнула. Они оба замерли. По поверхности ближайшей лужи пошли круги. Один, второй, третий. Люциан медленно повернул голову в сторону леса.

– Это ты сделал? – спросил он, не сводя взгляда с деревьев.

Элиан посмотрел на него с искренним недоумением:

– Я стою рядом с тобой.

– Я тоже, – мрачно заметил Люциан. – Но ты всё ещё умудрился упасть на меня с неба.

– Это было один раз.

– Пока что.

Земля снова дрогнула. На этот раз сильнее. Где-то между деревьями зашевелилась тень. Сначала Люциан решил, что это ветви. Потом – что скала. Потом скала двинулась. Из зелёной чащи медленно поднялась огромная голова. Оба молчали. Существо вышло к озеру неторопливо, будто весь мир по праву принадлежал ему. Длинная шея тянулась выше деревьев, массивное тело двигалось тяжело, но спокойно, а хвост оставлял за собой глубокую борозду в мокрой земле. Оно было настолько большим, что Люциан на секунду забыл про боль. Не потому, что испугался. Просто разуму понадобилось время, чтобы признать: да, это живое; да, оно двигается; да, оно действительно существует.

Элиан очень медленно поднял голову, проследив взглядом за длинной шеей.

– Думаю, для людей пока рано, – сказал он после долгой паузы.

Люциан повернулся к нему.

– Пока рано? – переспросил он так, будто хотел убедиться, что услышал правильно.

– Да, – Элиан всё ещё смотрел на гиганта. – Пока.

– Перед нами существо размером с небесную башню, – Люциан медленно указал в сторону огромной туши, – а твой вывод: «пока рано»?

Элиан посмотрел на гиганта ещё раз. Тот наклонил голову к воде и лениво, шумно выдохнул, подняв лёгкую рябь на поверхности озера.

– Оно не выглядит агрессивным, – заключил он.

– Оно выглядит так, будто может случайно наступить на будущего человека и даже не заметить.

Элиан задумался и сказал:

– Это тоже аргумент.

– Великолепно, – сухо сказал Люциан. – Запиши в отчёт.

Ангел чуть повернул к нему голову.

– У меня пока нет отчёта.

Люциан на секунду закрыл глаза:

– Конечно нет. Зачем ангелу, отправленному проверять пригодность мира, отчёт?

Элиан хотел ответить, но в этот момент огромное существо резко подняло голову.

Лес затих. Совсем. Даже ветер будто перестал шевелить листья. Люциан почувствовал, как внутри неприятно похолодело, и медленно перевёл взгляд с гиганта на деревья за его спиной.

– Мне не нравится, что оно насторожилось, – произнёс он тише.

Элиан тоже посмотрел в ту сторону. Его плечи едва заметно напряглись, после чего он сказал:

– Мне тоже.

Гигант сделал шаг назад. Потом ещё один. Земля дрогнула уже от его движения, но теперь в этой дрожи было что-то другое. Не тяжесть. Поспешность. Существо боялось.

Люциан медленно перевёл взгляд туда, куда оно смотрело. Между деревьями что-то двигалось. Ниже, тише, намного осторожнее. Листья разошлись почти бесшумно, и из тени показалась морда – узкая, вытянутая, с глазами, в которых не было ни спокойствия, ни растерянности, ни любопытства. Только голод. Потом появились зубы. Много зубов.

Элиан сделал очень маленький шаг назад. Люциан заметил.

– Что, проверка пригодности стала менее вдохновляющей? – тихо спросил он, не сводя взгляда с хищника.

– Я всё ещё собираю данные, – ответил Элиан почти так же тихо.

– Надеюсь, среди них есть данные о том, куда бежать.

Хищник вышел из зарослей полностью. Он был меньше первого существа, но от этого не становился лучше. В нём не было случайной огромности, не было мирной тяжести. Каждая линия его тела казалась созданной для рывка, укуса, погони. Земля под его когтями прогибалась мягко, беззвучно.

Он посмотрел на Люциана, потом на Элиана. И явно решил, что оба они прекрасно подойдут для проверки местной пищевой цепочки.

– Люциан, – осторожно позвал Элиан.

Демон напрягся. Имя прозвучало странно: не как обращение врага, не как приказ, почти как предупреждение. И слишком правильно – словно беловолосый ангел успел примерить его к голосу и теперь произнёс осторожно, но без ошибки.

– Что? – отозвался Люциан, не поворачивая головы.

– Кажется, оно смотрит на нас.

Люциан медленно моргнул, хмыкая:

– Правда? А я думал, оно любит пейзажем.

Элиан не ответил сразу. Он смотрел не только на хищника. На Люциана тоже: быстро, почти незаметно – на его крылья, на напряжённые плечи, на пальцы, сжатые так сильно, что побелели костяшки. Будто проверял, сможет ли тот бежать. Будто это почему-то было важно.

– Ты сможешь? – спросил он тише.

Люциан скривился:

– Что?

– Бежать.

– А у тебя внезапно проснулась забота? – Люциан бросил на него короткий взгляд.

– Практический интерес, – спокойно ответил Элиан. – Если ты упадёшь, оно сначала съест тебя, а потом меня.

– Утешил.

– Я стараюсь говорить полезные вещи.

Хищник раскрыл пасть. Низкий рык прокатился по земле, по воде, по рёбрам, по мокрым крыльям Люциана. Элиан очень спокойно, вежливо спросил:

– Бежим?

Люциан посмотрел на свои крылья. Потом на хищника. Потом на ангела.

– Гениальный план, – выдохнул он.

– У тебя есть лучше?

Хищник сделал шаг. Люциан выругался и прошипел:

– Уже нет.

Глава 3

– Так, и что будем делать? – спросил Люциан, скосив взгляд на ангела.

Тот, к его раздражению, выглядел спокойнее, чем он сам. Стоял рядом, смотрел на хищника и будто всерьёз размышлял, насколько происходящее укладывается в пункт «общее состояние среды». Люциан невольно усмехнулся.

Ну конечно. Одним телом больше, одним меньше – какая разница, если сущность всё равно бессмертна? Хотя...

Он снова окинул ангела взглядом с ног до головы. Пожалуй, это тело было бы жалко списывать в утиль. Не каждый день встречаешь ангелов с такой внешностью: белые волосы, красные пряди, голубые глаза и это раздражающе спокойное лицо. Таких на Небесах по пальцам пересчитать можно было, если подобные вообще были. Странно, что Люциан раньше его не видел. А может, просто не обращал внимания.

Хищник припал ниже к земле. Элиан тяжело вздохнул.

– Не двигайся, – сказал он.

– Что? – Люциан резко повернул к нему голову. Но договорить не успел.

Ровно в тот момент, когда зверь рванул в их сторону, ангел поднял руку. Не резко. Не театрально. Просто поднял – и существо исчезло.

Без вспышки, без грома, без торжественного сияния. Только что оно было перед ними – огромное, зубастое, голодное, – а в следующее мгновение его уже не стало. В руках у Элиана появились перо и лист бумаги. Люциан молча смотрел, как ангел невозмутимо что-то записывает и только тогда понял, что упустил из внимания ещё одну вещь.

Это он был падшим ангелом. Это он больше не мог творить чудеса. По крайней мере, пока. Демонские силы в нём, если они вообще существовали, спали где-то глубоко, а ангельские умерли в тот момент, когда над ним огласили приговор.

А Элиан был другим. Он был настоящим ангелом со всеми преимуществами. И, судя по всему, с полным отсутствием страха перед нарушением инструкций.

Элиан закончил писать, перевёл на него взгляд и чуть вскинул бровь:

– Неужели ты действительно думал, что нам придётся бежать?

Люциан помолчал.

– Оно собиралось нас съесть, – произнёс он наконец.

– Да, – спокойно согласился Элиан. – Поэтому я его убрал.

– Убрал? – Люциан медленно повторил это слово, будто оно само по себе уже было проблемой.

– Временно.

– Куда? – прищурился демон. Элиан посмотрел на лист.

– Туда, где оно не сможет мешать проверке пригодности местности, – ответил он после короткой паузы.

– Очень точное описание, – сухо сказал Люциан.

– Спасибо.

– Это не был комплимент.

– Я понял, – Элиан снова что-то записал, – но решил не уточнять.

Люциан медленно выдохнул.

– Чудеса строго подотчётны, – произнёс он почти автоматически. – Согласно регламенту любое вмешательство в материальную среду должно фиксироваться, согласовываться и... – он осёкся.

Элиан посмотрел на него с интересом.

– И? – осторожно уточнил он.

Люциан сжал зубы.

– Ничего, – отрезал демон.

Элиан пожал плечами и снова склонился над листом.

– Одним внеучётным чудом больше, одним меньше, – пробормотал он. – Всё равно отчёты никто не проверяет.

Люциан молча уставился на него. Тон ангела был таким обыденным, будто он нарушал это правило не впервые и даже не во второй раз. Скорее просто давно перестал считать. Демон нахмурился:

– Но Господь же карает за такое.

Элиан заинтересованно склонил голову набок.

– Это когда такое было? – спросил он совершенно искренне.

Люциан почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. На его памяти – было. Не за такое. Не совсем. Но было.

– Значит, с новым поколением она мягче, – пробормотал он себе под нос.

– Что? – Элиан чуть подался вперёд.

– Ничего.

Ангел посмотрел на него ещё пару секунд, затем опустил взгляд к листу и аккуратно вывел новую строку.

– Что ты пишешь? – спросил Люциан, всё ещё не сводя с него подозрительного взгляда.

– Наблюдения.

– И какие же?

Элиан повернул лист так, чтобы демон мог прочитать. На бумаге аккуратным почерком было выведено: «Среда нестабильна. Фауна крупная. Часть фауны пытается есть проверяющих. Для людей пока не рекомендовано».

Люциан какое-то время молчал, а потом медленно поднял на него глаза.

– «Пока»? – переспросил он скептически.

Элиан невозмутимо кивнул и сказал:

– Нужно больше данных.

Где-то в лесу снова что-то хрустнуло. Люциан тихо выругался. Элиан лишь скосил на него взгляд и промолчал. Демон нахмурился.

Нет, всё-таки с этим ангелом было что-то не так. Его поведение слишком плохо укладывалось в привычное небесное святейшество. Слишком много молчания там, где полагалось возмущаться. Чересчур много спокойствия там, где любой правильный ангел уже давно прочитал бы лекцию о порядке, регламенте и недопустимости подобных выражений.

Если бы Люциан встретил его раньше, ещё наверху, он скорее решил бы, что это беловолосое недоразумение рано или поздно окажется среди бунтовщиков, а не в рядах правильных и послушных. И именно поэтому молчать стало невозможно. Люциан, любопытный с самого рождения, никогда не умел вовремя остановиться.

– Слушай, – протянул он, глядя на Элиана внимательнее. – А что ты знаешь про восстание?

Ангел покрутил перо в пальцах. Через мгновение оно исчезло вместе с листом, будто их и не было. Потом Элиан поднял взгляд на демона – и замер.

Он не мог отделаться от ощущения, что уже видел это лицо. Не сейчас – раньше. Когда-то давно. В другой жизни, о которой в голове остались только пустые края и странное, ноющее чувство потери. Когда у него, возможно, ещё было имя. Когда он знал, кем был, зачем создан и что должен делать. Когда восстание ещё не было темой, о которой на Небесах говорили вполголоса, а потом делали вид, что не говорили вовсе. Когда само желание понять невозможное ещё не считалось опасным, и вокруг были не ведомости, отчёты и чужие поручения, а лица,

которые, возможно, когда-то что-то для него значили. Друзья. Наверное. Когда-то он мог бы знать это наверняка. Сейчас Элиан не знал.

И это было хуже всего, потому что он никогда не чувствовал себя цельным. С того самого момента, как проснулся с пустотой вместо прошлого. С тех пор в нём будто чего-то не хватало: не детали, не воспоминания, не имени даже – хотя имя, как оказалось, тоже имело значение. Ему не хватало ощущения, что он не просто существует в системе, выполняет поручения, чертит схемы и разбирает чужие ошибки, а действительно принадлежит чему-то.

И вот теперь, на сырой, слишком живой земле, рядом со странным демоном с чёрными глазами и белыми узорами на искалеченных крыльях, он почему-то чувствовал себя настоящим больше, чем наверху, среди идеально выверенных залов и бесконечных документов.

Имя всё ещё звучало внутри непривычно. Элиан. Чужое. Новое. Данное не Небесами. И оттого почему-то более его собственное.

– Эй, – голос Люциана выдернул его из мыслей. – Ты чего завис?

Элиан моргнул. Демон смотрел на него уже не просто раздражённо: в его взгляде появилась настороженность. Та самая, опасная, цепкая, словно Люциан успел заметить больше, чем Элиан хотел показать.

– Да так, – ответил ангел, отводя глаза. – Рассуждал о том, о чём не стоит.

Люциан усмехнулся:

– О, я тоже когда-то так начинал, – протянул он. – Скользкая дорожка, скажу я тебе.

– Нет, я не об этом, – Элиан чуть нахмурился.

– Ну-ну. Все в начале так говорят.

Несколько секунд они молчали. Над ними шумели огромные кроны, где-то в глубине леса снова что-то хрустнуло, но теперь ни один из них не обернулся.

– Так что там с восстанием? – напомнил Люциан.

Элиан опустил взгляд.

– Я... – он запнулся.

Не потому что не хотел отвечать. Потому что не знал, какой ответ будет лучше: честно сказать, что он ничего не помнит, или сказать так, как велели говорить на Небесах. Первое звучало слишком слабо. Второе – слишком по-небесному.

– Нам нельзя разглашать эту информацию, – наконец произнёс он.

Люциан медленно прищурился:

– Вот оно как, – в его голосе не было удивления, только горькое, почти ожидаемое подтверждение.

Элиан сразу понял: сказал не то. Но было уже поздно.

– Так, ладно. – Люциан хлопнул в ладоши и перевёл взгляд на ангела. – Что ты там ещё хотел проверить?

Элиан посмотрел на него с лёгким подозрением:

– Ты же вроде как должен был мне мешать.

– Я демон, – Люциан пожал плечами. – Что хочу, то и делаю. Так что там у тебя в списке?

Ангел не ответил. И правильно сделал, потому что Люциан и сам прекрасно понимал, как это звучит. Слишком заинтересованно. Слишком охотно. Слишком не похоже на того, кто ещё недавно обещал мешать, сбивать с пути и вообще всеми силами портить ангельскую жизнь.

Он не собирался признаваться Элиану, что вместо отвращения ко всему происходящему испытывает почти предвкушение. Слишком живое, слишком знакомое чувство, которое не должно было просыпаться в нём сейчас. Не после падения. Не после приговора. Не после того, как всё, чем он был, вырвали с корнем и бросили куда-то между водой, болью и чужим небом. Но Люциан раньше был ангелом. Не просто ангелом – отличным ангелом.

Он помогал создавать вселенную, знал своих подопечных по именам и в лицо, помнил, кто на что способен, кому можно доверить сложную работу, кого нельзя подпускать к чертежам

без присмотра и кто обязательно перепутает порядок звёзд, если оставить его одного хотя бы на минуту. Он был сильным руководителем.

А потом рядом с этой историей слишком заметно оказался Люцифер, и часть воспоминаний, как обычно, стало невозможно пересказывать без его самодовольной тени на заднем плане. Но эту деталь можно было временно опустить.

Поэтому, когда в отчёте Элиана Люциан увидел слово «Земля», внутри что-то неприятно дрогнуло. Земля. Его последний проект. Единственный незаконченный.

Теперь это слово выглядело не как строчка в документах и не как чертёж, оставленный где-то в Небесной канцелярии. Оно было под ногами: живое, влажное, шумное, дикое. Дышало жаром, пахло зеленым, шевелилось в траве, рычало в лесу и совершенно не собиралось быть таким, каким он когда-то представлял.

И Люциан стоял на том, что когда-то должно было стать частью его творения. Конечно, ему было интересно. Конечно, он хотел знать, как здесь всё устроено. Конечно, ему хотелось увидеть, что получилось без него.

Он не мог признаться в этом ангелу, но врать самому себе был не намерен.

К тому же он уже почти обошёл и чувствовал себя заметно бодрее. Боль не исчезла полностью, но перестала быть такой острой. Раны затягивались быстрее, чем должны были. Сломанное, израненное тело собирало себя обратно с упрямством, которое Люциану совсем не хотелось признавать своим.

Демонские силы всё-таки вступали в права. Медленно. Неловко. Чуждо. Они залечивали повреждения, возвращали силу в мышцы, помогали держаться на ногах и тем самым окончательно перечёркивали всё, чем он был раньше. Но сейчас Люциан почти готов был закрыть на это глаза. Почти.

Потому что если эти силы позволят ему идти дальше, лететь выше, видеть больше и понять, во что превратилось его незаконченное детище, он воспользуется ими. А потом уже решит, насколько сильно ему за это себя ненавидеть.

Элиан всё ещё смотрел на него.

– Что? – не выдержал Люциан.

– Ты выглядишь заинтересованным, – заметил ангел.

– Тебе показалось.

– Нет.

– Тогда считай, что я заинтересован в том, чтобы ты быстрее закончил и перестал быть моей проблемой.

Ангел чуть заметно улыбнулся:

– Очень убедительно.

– Элиан, – предупредил Люциан.

– Молчу, – отозвался ангел. Но по его лицу было видно, что не поверил он ни одному слову.

Так и началось их путешествие по Земле.

Сначала они облазили все пещеры, какие только смогли найти. Проверили влажность, устойчивость камня, наличие воздуха, отсутствие воздуха, слишком активное наличие жизни и ещё несколько пунктов, которые Элиан с абсолютно серьёзным лицом заносил в отчёт. Люциан поначалу делал вид, что ему всё равно, но уже на третьей пещере начал спорить с ним о том, какие породы надёжнее, где лучше было бы прокладывать проходы и почему некоторые участки поверхности явно создавались кем-то в состоянии творческого припадка.

Потом были динозавры. Много динозавров. Слишком много динозавров.

Элиан записывал размеры, поведение и степень опасности, а Люциан с каждым новым наблюдением всё сильнее убеждался: людям в таком мире делать было нечего.

Когда очередное травоядное с лёгкостью сломало деревья, словно сухие веточки, он только мрачно спросил:

- Нельзя просто написать «нет»?
- Нужна аргументация.
- Аргументация прямо сейчас сожрала камень размером с небесный алтарь.

В итоге даже Элиан признал: для людей эта версия Земли не подходила. И они разошлись. Между следующими встречами пролегли целые эпохи. Динозавры исчезли, Земля остыла, перестроила себя заново и, как обычно, никого не спросила.

Ледниковые времена оказались не менее дружелюбными, чем эпоха динозавров. То есть вообще не дружелюбными. Элиан снова наблюдал, Люциан вмешивался, потом отрицал, что вмешивался.

В общем, прошло очень много лет их странного знакомства, несколько неудачных попыток запустить людей на Землю, не меньше отчаянных попыток Люциана сохранить эти прототипы целыми и целая коллекция жалких оправданий, почему он вообще это делал, прежде чем появились они: не первые попытки, не слабые наброски, не те хрупкие существа, что бродили среди льда, огня, зверей и собственной растерянности. А первые, кого Господь наконец была готова назвать завершёнными. Ева и Адам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.